Как мы писали книгу

Сергей Лебедянский

Сергей Лебедянский

Как мы писали книгу

https://litres.ru/74935994
SelfPub; 2026

Аннотация

Тяжелое расставание с любимой выбило у Сергея почву из-под ног. Чтобы отвлечься от мучительных мыслей, он решает с головой окунуться в творчество и написать роман о попаданце. Загвоздка лишь в том, что он никогда ничего не сочинял.

Неожиданным соавтором Сергея становится продвинутый искусственный интеллект. Без четкого плана, буквально на ходу, этот странный дуэт начинает создавать новую вселенную. Но пока их книжный герой отважно прокладывает путь домой сквозь коварные магические земли, сами авторы ведут жаркие споры о литературе. Они размышляют о волшебстве слов, о том, что придает истории истинную глубину и делает ее интересной для читателя.

Книга, разумеется, создана при помощи искусственного интеллекта.

Содержание

Глава 1. Писать или не писать — вот в чем вопрос 4
Глава 2. Попаданец 26
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Сергей Лебедянский
Как мы писали книгу

Глава 1. Писать или не писать — вот в чем вопрос

Вы когда-нибудь задумывались, чем отличается лицо от рожи? Вот я, например, не задумывался. Но сейчас передо мной маячила именно рожа, которую язык не поворачивался назвать лицом. Одутловатая, с синяками под глазами и недельной щетиной, она пялилась на меня водянистыми, похмельными глазами, похожими на буркалы зомби из апокалипсиса. Взъерошенные, сальные волосы и прилипший к губе кусочек чего-то зеленого — кажется, огурца — завершали этот удручающий портрет матерого алкаша. Самым печальным было то, что я прекрасно знал этого бедолагу. Даже сквозь туман запоя до меня доходило: когда стоишь перед зеркалом, на тебя смотрит самая дорогая тебе в мире рожа, и она — твоя собственная. Запой — страшная штука. Но что еще оставалось, когда на душе скребли кошки, а в голове час за часом крутилась одна и та же мысль: от меня ушла Юлька.

Эта сука мне всю душу измотала. Довела до того, что я начал бросаться на людей. Она обладала уникальной способ-

ностью в любую секунду устроить скандал на ровном месте, создать склоку из воздуха. Помню, в продуктовом магазине она прицепилась к молоденькой кассирше, потому что та якобы как-то не так на нас посмотрела. Когда я попытался Юльку увести, она набросилась уже на меня, обвинив в том, что я встал на сторону «хамки». В итоге запланированные выходные и поход в кино спустили в унитаз.

По окончании этих склок виноватым во всем, разумеется, оказывался исключительно я, просто потому, что «не прав и вообще идиот». Помню, однажды я попросил ее объяснить, в чем именно я ошибся, что сделал не так. Ответ был исчерпывающим: «Как я могу тебе это объяснить, если ты такой идиот, что даже не понимаешь, в чем ты не прав?» То, что я был именно идиотом, — несомненно; только он может позволить так над собой измываться. Любой человек с остатками самоуважения давно бы задал себе вопрос: «Почему я не поставил эту склочную бабу на место? Или, по крайней мере, не послал ее куда подальше, как она того заслуживала?» Ответ прост: я не был здравомыслящим. Я был по уши влюблен.

Говорят, любовь — это своего рода наркотик. Организм влюбленного начинает вырабатывать вещества, которые притупляют разум, и человек безнадежно дуреет. Он видит в объекте обожания идеализированный образ, не замечая недостатков, очевидных для всех вокруг. Возможно, всему виной была ошеломляющая внешность Юльки. Эта чер-

това баба была настолько дьявольски сексуальна, что, казалось, парализовала мой разум, полностью отключив его. У меня есть огромный недостаток: я обращаю внимание исключительно на красивых женщин. Остальные для меня просто не существуют. Я, как ценитель живописи, который часами стоит перед великолепным полотном, завороженно впитывая взглядом предмет своего поклонения. Когда мы только начали встречаться, Юлька казалась мне добрым, сердечным человеком — яркой, живой. Мне было с ней безумно хорошо, и казалось, что я нашел не просто женщину, а свою половину, ту самую, с которой можно идти рядом без страха и оглядки. Так пелена застлала мне глаза. Незаметно для меня сердечный человек превратился в склочную стерву, но к тому времени мой «коготок» уже увяз, а, как известно, если коготок увяз, то всей птичке пропасть. Вот я и пропал. Дело дошло до того, что я всерьез начал задумываться о самоубийстве, но сквозь пелену запоя меня все же посетила спасительная мысль: ни одна баба не стоит того, чтобы из-за нее расставаться с жизнью.

Теперь в зеркале я видел не себя, а отражение своей боли — боли, которую причинила эта чертова кукла. Я видел опустошенного человека, которого долго и методично ломали и который не знает, как выбраться из этого пыточного подвала и есть ли вообще из него выход. Но нужно попытаться. Необходимо вернуть свое человеческое лицо, а не эту перекошенную маску. И еще нужно признать: нашим отношени-

ям конец. У меня больше нет сил терпеть унижения и быть вечным подкаблучником.

Какое будущее меня ждет с этой стервой? Я знаю нескольких мужиков в возрасте, которым фатально не повезло с женами, но расстаться вовремя не получилось. Среди них есть и мягкотелые тюфяки, и волевые, но всех объединяет одно — отчаянное нежелание находиться дома. Даже те, кто давно вышел на пенсию и мог бы безмятежно проводить дни на даче, выращивая огурцы или собирая грибы, все равно цепляются за работу. Они готовы терпеть грошовую зарплату и начальников-самодуров, лишь бы реже видеть свою «ненаглядную», годами выносящую им мозг. За десятилетия такой жизни от мозга не остается и следа, а черепная коробка изнутри отполирована до зеркального блеска — хоть в антропологический музей сдавай. Я словно вижу, как экскурсовод, постукивая указкой по черепу, обращается к группе: «Перед вами уникальный экземпляр — спил черепа подкаблучника с сорокалетним стажем. Обратите внимание на идеально ровную внутреннюю поверхность черепа, на то, как она сияет. Никакой дополнительной обработке череп не подвергался».

Страшно то, что к издевательствам над личностью можно привыкнуть и с ними смириться. Сначала ты споришь, доказываешь, пытаешься что-то объяснить и отстоять. Затем устаешь и начинаешь уступать ради тишины. Потом эта тишина становится главной целью, и ты отдаешь за нее собственное мнение, друзей, увлечения. И вот, однажды, ты

просто уходишь из дома на опостылевшую работу и понимаешь, что это единственное место, где тебе ежеминутно не разрушают мозг.

Я еще раз оглядел в зеркале свою помятую физиономию, оторвал присохший ломтик огурца и полез в душ. Контрастные струи воды — то горячие, то ледяные — постепенно привели меня в чувство. Ощутив прилив бодрости, я с силой растер тело докрасна грубым полотенцем. Затем, сбрив трехдневную щетину, облачился во все свежее. Пора выходить из штопора и возвращаться к нормальной жизни. Если кажется, что запой облегчает сердечные переживания, то на самом деле он все лишь усугубляет, затягивая во мрак, из которого с каждым новым днем вырваться все тяжелее. Я уже достаточно погрузился во тьму, пора выныривать на поверхность.

Холодильник встретил легкой волной прохлады и бардаком: пара недоеденных покупных салатов, недопитая банка пива и, о ужас, початая банка маринованных огурцов. Я терпеть не могу маринованное, а тут, оказывается, умял полбанки и не заметил.

До чего же нужно было допиться?

В качестве легкой опохмелки сделал глоток из пивной банки, а все остальное вылил в раковину. Больше одного глотка делать не стоит, а то организм может решить, что «жизнь-то налаживается», а там уже и до нового витка запоя недалеко. Остатки огурцов по проторенной дорожке отпра-

вились вслед за своим собратом — в унитаз. Салаты вместе с пустой банкой полетели в мусорное ведро. Свалив грязную посуду в раковину, я наметил ближайший план действий: вынести мусор, помыть посуду и наградить себя чашкой крепкого кофе, а потом придется думать, как жить дальше.

Только я взял пакет с мусором и приблизился к двери, как в нее настойчиво позвонили.

«Ну кого там принесло?» — раздраженно подумал я, заранее готовый спустить всех собак на рекламных агентов или свидетелей чего-то там. Но на пороге стояла соседка Лиза, и моя воинственность тут же испарилась. Окинув меня оценивающим взглядом, она наполовину спросила, наполовину констатировала:

— Опять с Юлькой поругался?

Я хмуро кивнул.

— Да уж, видок у тебя так себе...

Хорошо, что соседка не видела меня до душа. Вот тогда мой облик мог бы вызвать у нее глубокое психическое расстройство.

С Лизой мы познакомились на лестничной клетке. В то время мы оба курили, так что наши встречи «в курилке» были неизбежны. Как девушка она меня не привлекала: невзрачная, низенькая, с широким, как блин, лицом и крошечным носиком — вся такая круглая, словно пончик. В вечно измятом халатике и замызганных тапочках-зайчиках, глядя на которые можно было подумать, что девушка вышла

не из своей квартиры, а пришла в них откуда-то из Китая. Но за этой простецкой внешностью скрывался острый ум: Лиза была крутым IT-специалистом и работала в серьезной технологической компании. Мы быстро нашли общие темы, которые с удовольствием обсуждали во время наших лестничных встреч.

— Я к тебе за солью. Найдется? — поинтересовалась Лиза, продолжая разглядывать мою помятую наружность.

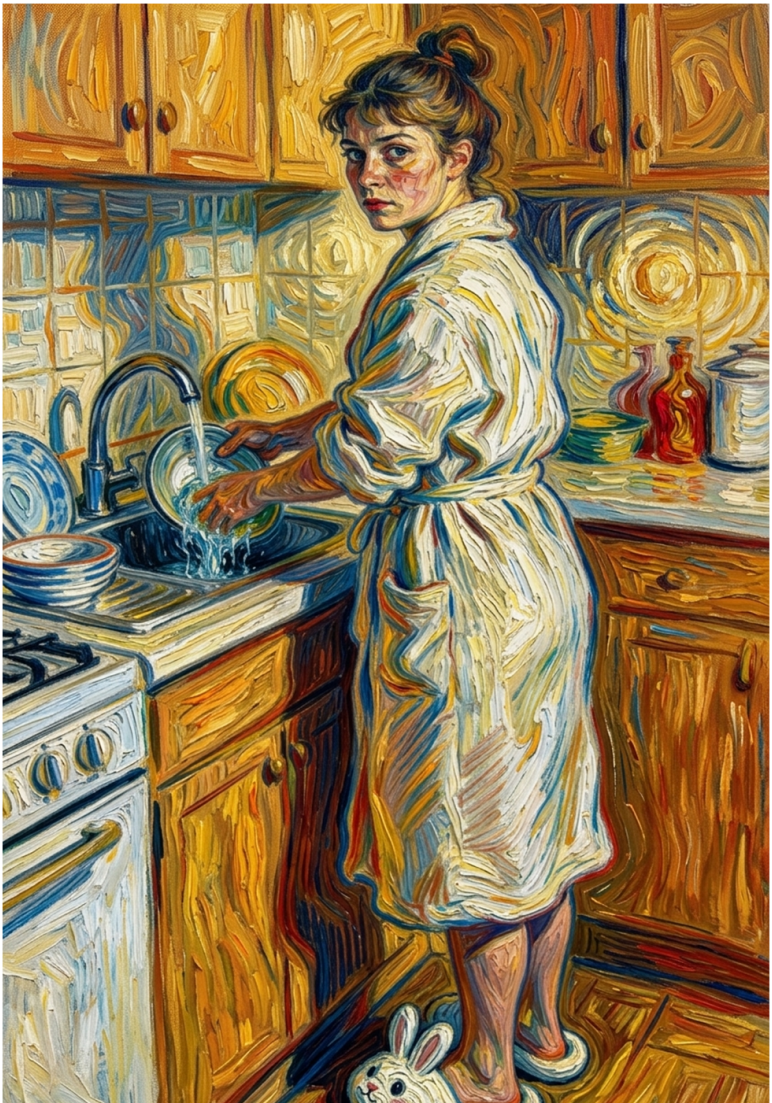
— Проходи, сейчас мусор выброшу и поделюсь.

Лиза, не дожидаясь второго приглашения, шмыгнула внутрь, огибая разбросанные по коридору кроссовки. Я же вышел на лестничную клетку. Холодный сквозняк неприятно ударил по влажной после душа коже. Отправив пакет с мусором навстречу с нашим дворником Федей (который на самом деле Фейруз, но зачем-то представляется Федей: то ли думает, что славянин не в состоянии выговорить его имя, то ли сам хочет выдать себя за славянина), я вернулся в квартиру. На кухне уже хозяйничала Лиза. Напевая под нос какую-то мелодию, она мыла посуду. Видимо, считала, что без крепкой женской руки мне теперь грозит неминуемый конец.

— Если ты думаешь, что я настолько беспомощен, то ты ошиблась. Я умею делать почти все, что обычно делают в доме женщины, за исключением кройки и шитья.

— Это просто дружеская поддержка в трудную минуту. Вижу, ваша ссора дается тебе нелегко, — ответила Лиза,

продолжая намыливать тарелки. — Ты слишком мрачен, и вид у тебя поникший. Ну, постарайся об этом не думать, ведь это не первая подобная история. Скоро все вернется на круги своя...



— Нет, Лиз, на этот раз я хочу поставить точку. Сил больше нет все это терпеть.

Девушка, внимательно глядя на меня, ополоснула тарелку и, поставив ее в сушилку, с неприкрытым сомнением поинтересовалась:

— А выдержишь?

— Не знаю. Должен. Иначе рискую окончательно съехать с катушек.

Я прислонился к дверному косяку, чувствуя, как на душе кошки скребут.

— Однажды в бане я разговорился с одним пожилым мужиком. Помню, он мне тогда сказал: «Знаешь, все эти рассказы про «стерпится-слюбится» и то, что за любовь нужно бороться, — полная чушь. Если рядом с тобой не твоя женщина, можешь бороться за нее хоть всю жизнь, но твоей она все равно не станет. Свою не завоевывают, свою находят, но ко мне это понимание пришло слишком поздно».

Перед моими глазами на миг возникло лицо того мужичка — морщинистое, с потухшими, бесконечно грустными глазами. Я всем нутром ощутил, что не хочу такой судьбы. Не хочу однажды так же сидеть и жалеть о потраченных на бессмысленную борьбу годах.

— Так вот, за последние дни я окончательно осознал: Юлька — не моя женщина. Наши отношения нужно закончить, и как можно скорее, — продолжил я. — Но сделать это

будет непросто. Я постоянно о ней думаю. Во мне будто котел кипит, в котором смешались злость, любовь, обида... И пока он не выкипит, мне ее, похоже, не забыть...

Лиза в общих чертах была в курсе моей «счастливой» семейной жизни. Они с Юлькой несколько раз сталкивались, и, насколько я мог судить, взаимной симпатии у них не возникло. Скорее, тихая, но отчетливая антипатия.

— Тогда тебе нужно время, которое, как известно, лечит, — сказала девушка, поправляя волосы. — А чтобы оно бежало быстрее, займи мозги чем-то другим. Пусть твой котел выкипает сам по себе, на медленном огне и без твоего участия. Живи по принципу: «Солдат спит — служба идет». Сделай в квартире ремонт, он тебя отвлечет.

— Ты же знаешь, ремонт был всего год назад, и мне на его фоне весь мозг вынесли...

Я с ужасом вспомнил, как покупал безвкусные обои, которые мог выбрать только идиот, как не мог заставить строителей работать качественно и как не устроил скандал поставщику плитки, задержавшему доставку на полдня.

— Тогда тебе срочно нужно хобби! — Лиза с энтузиазмом взялась за разработку плана моего спасения.

Я хмыкнул:

— Предлагаешь освоить вязание носков или вышивание крестиком?

— Вязание не подойдет. Это процесс механический, а твои мозги так и будут заниматься самоедством, — катего-

рически отвергла Лиза такой вариант. — Нужно что-то творческое, чтобы полностью загрузить процессор. Ты же мужчина, два дела одновременно делать не можешь, — девушка на секунду задумалась. — Займись живописью! Нет! Напиши книгу! Точно, книга — то, что доктор прописал.

Судя по тому, что в душе я побрился, моя принадлежность к мужскому полу сомнений не вызывала. И без Лизы я знал, что аврал на работе, ремонт или генеральная уборка отлично отвлекают от душевных терзаний. Но на работе сейчас затишье, а я вдобавок в длительном отпуске. Ремонт не требуется, а уборкой вечно заниматься не будешь. Мне нужно было занять себя чем-то всерьез и надолго, так что книга и впрямь казалась неплохим выходом. Только вот...

— С грамотностью у меня беда, — обозначил я проблему. — В школе за сочинения стабильно ставили кол. Если их предварительно проверял отец, нам обоим ставили два. Это меня всегда удивляло, ведь отец окончил школу с серебряной медалью.

— Это в прошлом веке было проблемой, — фыркнула Лиза, ставя последнюю тарелку в сушилку. — В сети полно сервисов, которые исправляют ошибки.

— Но кроме орфографии и пунктуации есть и писательские приемы? Не зря же люди учатся на журфаках. А я по образованию — чистый технарь.

Лиза окинула меня взглядом, полным снисходительной жалости. Так, наверное, смотрят на человека, пробудивше-

гося после полувековой комы и с изумлением тыкающего пальцем в неведомую штуковину под названием смартфон.

— Ты словно с другой планеты свалился, — вынесла она вердикт, садясь за стол. — Писательство перестало быть уделом избранных. Теперь это народный промысел, доступный каждому. Раньше над книгой трудилась целая команда: текст согласовывали, редакторы шлифовали стиль, корректоры вылавливали ошибки. — Лиза побарабанила пальцами по столу, словно нажимая клавиши на невидимой пишущей машинке. — Рукопись доводили до совершенства, отправляли в типографию, а после пробного тиража снова выверяли. Стать писателем было целым испытанием. А теперь — пара пустяков: набросал незатейливый текст, прилепил обложку, выложил на онлайн-платформу, и вуаля — ты писатель! Сейчас пишет если не каждый второй, то каждый четвертый точно. И пишут так, что волосы дыбом встают. У одного — десять опечаток на страницу, глаза спотыкаются. У другого — слог шестиклассника. Но самое поразительное, что у этих «авторов» есть своя восторженная аудитория, а просмотры их страниц переваливают за десятки тысяч.

— Накрутки? — предположил я, пытаясь найти рациональное объяснение. — Или проплаченная реклама?

— Возможно, и то, и другое, — согласилась Лиза, но тут же добавила: — Но дело не только в этом. Общий читательский уровень сильно снизился. Читатель измельчал: утратил способность отличить литературу от макулатуры. Ему нужен

фастфуд: простенький сюжет, чтобы жевать, не думая, и побольше «сисек». Качество продукта его не волнует.

Меня кольнуло сомнение.

— Но я ведь напишу не лучше. Ты предлагаешь мне пополнить ряды графоманов?

— Не вижу ничего плохого, если ради выздоровления ты займешься лечебным графоманством. Тебе нужно загрузить мозги. Это главная цель, — продолжала убеждать меня Лиза. — А публиковать свое творение необязательно.

— Не знаю, — я покачал головой. — Чтобы писать и не публиковать, нужно быть Сэлинджером. Мне же интересно, как читатели воспримут книгу, да и стараться буду лучше, зная, что мой текст увижу не только я.

— Тогда тебе опять же помогут нейросети. Они не только расставляют запятые, но и могут улучшать текст и даже генерировать его. Работают еще не идеально, но поюзать стоит. Главное — начать, а потом втянешься, набьешь руку, отработаешь алгоритм, и дело пойдет. Я же не говорю, что ты должен стать Чеховым. Главное, что книга поможет тебе отвлечься, — мягко напомнила девушка.

Предложение Лизы звучало здраво. Вспомнилось, как несколько лет назад я подсел на одну онлайн-игру и от нечего делать начал строчить посты на форуме. Неожиданно у моего эпистолярного творчества появились поклонники. Значит, кое-как излагать мысли я умею. А главное, возня с текстом поможет отвлечься от разрушительного самоедства.

Лиза говорит дело: одновременно думать о тексте и о Юльке я не смогу.

— Пожалуй, ты права, — кивнул я. — Надо пробовать.

— Вот и отлично! — обрадовалась она, вставая из-за стола. — Давай покажу тебе пару сайтов для работы с текстом и побегу: обед сам себя не приготовит. А попозже загляну, принесу борщ. Как любит говорить мой дядя: «С похмелья борщ оттягивает»!

Едва за соседкой захлопнулась дверь, как я, наконец, решил побаловать себя чашечкой капучино. Минутное колебание, стоит ли добавить каплю коньяка, разрешилось в пользу коньяка: двадцать граммов не собьют меня с пути истинного. С этим утешительным умозаключением я устроился за компьютером и, отхлебывая бодрящий напиток, открыл популярный литературный ресурс: пришло время окунуться в современную словесность.

После пары часов, проведенных перед монитором, я пришел к выводу, что Лиза была абсолютно права. Если в советской книге и одну опечатку найти было невозможно, то теперь десятки ошибок в каждой главе — далеко не самое страшное. У некоторых «писателей» пропадали целые слова, не согласовывались падежи и глагольные формы, а мысль обрывалась на полуслове, будто автор заснул над клавиатурой. Тексты были настолько примитивны, что и передать невозможно. Складывалось впечатление, что эти писаки просто не

уважают своего читателя и живут по принципу, озвученному давно забытым певцом: «Пипл хавает». И пипл хавал. Судя по статистике, хавал с причмокиванием, просто рвал «литературные шедевры» зубами, как изголодавшийся зверь. Конечно, среди комментариев к «великим творениям» нередко встречались весьма трезвые и критичные отзывы, но никакого влияния на писак это не оказывало: «шедевры» плодились, как кролики, лишенные средств контрацепции. У самых плодовитых мастеров пера циклы достигали нескольких десятков книг. Я и вообразить не мог, какой неуемной фантазией нужно обладать, чтобы столько насочинять. Все это подвело меня к простой мысли: я тоже смело могу начать писать. На таком литературном фоне мое графоманство вряд ли вызовет бурю возмущения. Его просто никто не заметит.

Едва я решил, что можно писать, как тут же встал главный вопрос: о чем?

На помощь пришли братья Стругацкие, утверждавшие в «Хромой судьбе», что писать нужно либо о том, что знаешь очень хорошо, либо о том, чего не знает никто. Я неплохо разбираюсь в своей профессии, но делиться ее тонкостями было бы скучно. Значит, первый вариант отпадает и остается второй — писать о том, чего не знает никто. А значит, это фантастика, а если отбросить ее научную часть, которая требует знаний, то фэнтези. Итак, фэнтези — моя ниша. Конечно, и в этом жанре хватает произведений по-настоящему масштабных и глубоких — осилить что-то подобное мне

вряд ли дано. Для начала нужно что-то попроще, где можно не бояться «валять дурака». Например, ЛитРПГ. Признаться, я не его поклонник. Когда на три страницы начинается перечисление:

+1 к силе;

+1 к хитрожопости;

+1 к харизме;

+2 к длине мужского достоинства.

От такого чтения любой может загрустить. Особенно когда кажется, что свое «достоинство» недостаточно длинное, а ГГ пошел, шишку нашел — и у него все поперло, как дрожжевое тесто из кастрюли... Разумеется, читатель может пролистать эту нудятину или читать такие опусы по диагонали, но каково приходится слушателю аудиокниги? Хотя надо отдать должное: иные декламаторы и кассовый чек озвучат так, с такими интонациями и баритонами, что заслушаешься. Вообще, ЛитРПГ — отличный способ нагнать объем книги. Но я не собираюсь сдавать свое творение на вес, как свинью. Так что этот жанр для меня отпадает.

Еще, как я понял, сейчас в моде некое «бояръ-аниме», которое наводнило все литературные платформы. Кто же придумал такое мерзкое название? С похмелья это «мееее» даже произносить страшно! Там вроде обычные попаданцы, но еще туда зачем-то приплели гаремы. А мне сейчас явно не до амурных дел. Пожалуй, остановлюсь на классических «попаданцах», не обремененных гаремами и многочисленными те-

щами. Я и сам люблю читать такие истории и немного в них разбираюсь. Остается выбрать мир: магический или реальный? Мне импонируют реальные миры и Средневековье. Но здесь есть сложность: описывая реальный мир, нужно разбираться в истории и вооружении. В магическом мире у автора развязаны руки — можно лепить все что угодно, как и в ЛитРПГ. Персонажи могут летать по воздуху, проходить сквозь стены, испепелять полчища врагов силой мысли — да много чего еще! Чтобы упростить себе задачу на старте, я, пожалуй, выберу магический мир.

Еще один вопрос, который почему-то любят мусолить читатели: как главный герой попал в иной мир и насколько этот вариант правдоподобен? Как по мне, так вариант с похищением инопланетянами выглядит хоть чуточку реалистично, а все остальное — просто чушь. Но так как похищение «зелеными человечками» в моей голове не очень сочетается с магическими мирами, то заморачиваться не буду. Главный герой нырнул тут, а вынырнул там. А потому что нефиг нырять где попало.

Ну и последнее, пожалуй, самое важное — это сюжет. Не знаю, как истинные мэтры пера поступают в таких случаях: продумывают ли все до последней запятой или довольствуются общей идеей? У меня, похоже, есть лишь самое общее представление, настолько туманное, что под него подойдет добрая половина книг в жанре фэнтези.

Итак, мой герой — эдакий «стальной мужик». Он всех

гнет в бараний рог, спасает прекрасную даму, которая в благодарность... Тьфу, опять бабье в голову лезет! Как говорится: вспомни черта — он и появится. Воспоминание о бабах плавно перетекло в мысли о Юльке, которая, снова закравшись в голову, попыталась в миллионный раз объяснить мне, какое я ничтожество. Но, стиснув зубы, я вернулся к размышлениям о книге.

Значит, мой герой просто побеждает всех одной левой, сам не понимая зачем — просто потому, что так ему положено по канону. В финале он, разумеется, становится верховным владыкой всего (куда же без этого!), а из шкуры убитого темного властелина с помощью магической ковки, по случаю освоенной в 18-й главе, изготавливает коврик и кладет его перед входной дверью своего замка. Сюжет, конечно, пока жидковат, а если говорить честно, то его вовсе нет, но нужно начинать, детали буду придумывать по ходу пьесы. Нужно жить как чукча — «что вижу, то пою», в смысле: куда сюжет заведет, оттуда и буду выруливать.

Сев за клавиатуру, я открыл текстовый редактор. После чего на меня уставился пустой лист, который мне предстояло заполнить осмысленным текстом, и таких листов должно быть несколько сотен. Ох, недурно мне предстоит потрудиться; пожалуй, написать полноценную книгу совсем не просто. А с другой стороны, нечего дрейфить. Книга — это просто взятые всем известные слова, расставленные в правильном порядке, и не более того. И пусть количество этих слов из-

меряется десятками тысяч, но, как гласит всем известная китайская поговорка: «Путь в тысячу ли начинается с первого шага». Отступать мне некуда: либо книга, либо бурлящий котел любви и ненависти. Так что вперед, начинающий писака, и пусть тебе помогут твоя богатая фантазия и магия волшебного мира, — подбодрил я себя и начал стучать по клавишам…

Глава 2. Попаданец

Редкие снежинки, словно ослепительные белые кометы, выскакивали из черноты зимнего вечера, бросаясь на фары моего внедорожника. Два слепящих огня неумолимо приближались, вызывая легкое раздражение. Мгновение — и встречная машина пронеслась мимо, оставив проселочную дорогу снова пустой. Ненавижу ездить по ночным, неосвещенным трассам. Правда, недавно Карась хвастался, что его папахен бьет копытом, пытаясь пробить освещение на этом участке. Задача для него не выглядит неподъемной: до коттеджа от трассы чуть больше пяти километров. Так что через пару лет семейство Карасевых может еще больше повысить статус своего загородного гнездышка — или где там живут карасевые?

— Серый, да не убивайся ты так из-за этой стервы, — снова забубнил Саня, глядя на мое сморщенное от встречного света лицо и пытаясь подбодрить. — Сейчас приедем к Карасю на дачу, развеемся. Попаримся в баньке, выпьем, повеселимся с девахами…

Саня — мой лучший друг еще со школы, как, впрочем, и Карась из тех же времен. Его предок поднялся в последние годы, шустрит где-то по хозяйственной линии, так сказать, осваивает бюджет. И так хорошо у него это получается, что за несколько лет он ухитрился отгрохать се-

бе коттедж, на который любо-дорого посмотреть. Причем насколько дорого — я даже представить боюсь. Трехэтажный домина с высокими дорическими колоннами, бассейном, бильярдной и здоровенной баней на берегу небольшого частного пруда.

Когда на работе случается аврал — то ли бюджет не хочет осваиваться, или, наоборот, осваивается слишком быстро, — то Карась-старший уходит с головой в работу, а младший временно приватизирует коттедж и устраивает там выездную вакханалию с приглашенными вакханками. Саня же ему помогает, ведь нельзя бросать товарища в трудную минуту. А сегодня и я попал в число помощников, так как переживаю душевную драму и нуждаюсь в дружеской поддержке. А что может поддержать мужика, расставшегося с женщиной, как не интерес к его персоне со стороны других женщин?

— Вечно ты находишь себе какую-то кралю, — продолжал наседать Саня, стараясь не оставлять меня наедине со своими мыслями, — чтоб была вся расфуфырена, как новогодняя елка. Вот эта твоя последняя, с утиными губешками и метровыми накладными ногтями всех цветов радуги, — разве это спутница жизни? Ведь любому дураку понятно, что от такой размалеванной куклы в доме нет никакой пользы...

Я знал, что он говорит это не со зла, а скорее от искренней, хоть и прямолинейной, заботы. Саня с детства

был практичен. В его идеальной семье мужик зарабатывает, жена пыхтит по хозяйству, кот ловит мышей и создает уют, собака охраняет и лает, дети орут и вносят суету. Все патриархально просто, но с таким подходом Саня до сих пор не нашел свою вторую половину. Его квартира была пуста. Ни кота, ни собаки, ни, тем более, жены там не было. Мой друг был в поиске, но уверял меня, что, как только на горизонте появится его женщина, он ее не упустит.

— Ты говоришь о пользе, — вяло отбрыкивался я, — а скажи мне, Саня, в чем польза от картины на стене?

Друг нахмурился, явно не ожидая такого поворота.

— Ну, это… для души. Это красиво. А вообще, ты все свалил в кучу, — возмутился Саня. — Так нельзя.

Я прекрасно понимал, что довод мой идиотский, но мне хотелось перевести разговор в какое-то другое русло.

— Именно что красиво. Я же не виноват, что мне нравятся красивые, ухоженные женщины. Не могу я их мерить литрами сваренного супа.

Саня прекрасно знал о моей слабости к красивым женщинам и уже не раз пытался спустить меня на грешную землю.

— Пойми, Серый, не только женщина должна быть за мужем, как за каменной стеной. Мужчине тоже нужен крепкий тыл. А красоток, как твоя последняя, можно приводить домой разве что для перепихона, но не более. Надежной опорой такая нимфа не станет. Ты должен радовать-

ся, что ваш романчик закончился так быстро и не отнял у тебя много времени и сил.

Я молча смотрел на зимнюю дорогу, на мелькающие перед лобовым стеклом снежинки. Санин голос, как назойливый комар, жужжал над ухом, не давая погрузиться в собственные мысли. Пожалуй, его соболезнования моей «трагической персоне» несколько затянулись, и пора переключиться на цель нашей сегодняшней поездки.

— Хорошо, пес с ним, с моим романчиком. А кто у нас сегодня исполняет роль вакханок?

— Какие-то честные давалки, — быстро подхватил Саня новую тему, — правда, Карась сказал, что раньше они у него не бывали, так что я их не знаю. Но говорит, что среди них есть вполне приличные леди. Так что советую тебе присмотреться: вдруг найдешь себе новую пассию.

— Это среди честных давалок?

— А что?! — неожиданно возбудился Саня и начал даже побулькивать, как закипающий чайник, того и гляди пар из ушей пойдет. — Вот ты слушай: была у нас в фирме, в одном из офисов, шаловливая деваха по имени Машка. Среди сотрудников трудно найти мужика, который бы не покувыркался в ее постели. Потому что у нее там не кровать, а настоящее лермонтовское Бородино:

— все промелькнули перед нами,

— все побывали тут.

Так вот, на одном корпоративе она познакомилась с на-

шим Колянычем. Они работали в разных офисах и раньше не пересекались. Сначала все было, как обычно. Он, как и другие, прошел свое «бородинское сражение», но на этом все не закончилось. Их отношения стали бурно развиваться, и через год дело дошло до свадьбы. Мы пытались его отговорить, мол, будущая супруга слишком слаба на передок, но он и слушать не хотел. В итоге они поженились, и теперь, когда я на них смотрю, аж зависть берет. Видно, что ребята нашли друг друга.

— Подъезжаем, — перебил я Саню, сворачивая на дорогу к коттеджу.

— Ага, так вот слушай дальше. Недавно Коляныча отправили в командировку на месяц, а один хитрожопый крендель, знаешь, есть такая гнусная порода — любители жен своих знакомых — решил, что нечего добру простаивать без дела, и подкатил к Машке по старой памяти. Так она устроила такой скандал, что весь офис дрожал: гоняла этого козла по всем комнатам. Думаю, ему теперь придется уволиться: слишком многие сотрудники стали на него косо смотреть… Вот тебе и давалка!

— Ладно, рыцарь в сверкающих доспехах, защитник домохозяек и честных давалок, угомонись, приехали! — я провожал взглядом медленно отъезжающие створки ворот коттеджа.

Парная у Карася — выше всяких похвал. Просторная, светлая, стены облицованы розовой гималайской плиткой

из каменной соли. Тут каждый вдох целебен. А если добавить аромат пихты, то можно вообразить себя на морском побережье. Сам Карась париться с нами не стал, но заглянул в баню минут пять назад и сообщил, что вакханки уже на подъезде и пора закругляться. Да нам с Саней и без его подсказок уже хотелось закончить оздоровительные процедуры: все-таки два часа парились. Сегодня мы решили делать это «на сухую», то есть не пить ни капли жидкости, и посмотреть в конце, сколько чистого веса согнали. Зато первый глоток пива после такой парной — просто божественный!

— Давай еще разок нырнем, — предложил Саня, отходив меня как следует дубовыми вениками, — чуток согреемся и двинем к девчонкам.

— Давай! — согласился я с предложенным планом.

Бассейна у Карася нет, вместо него — небольшой пруд, а зимой — прорубь, к которой ведет небольшая лесенка. На фоне тусклого ночного снега непроницаемо черная вода выглядела как портал в иной мир. Разгоняя руками тоненькие пластинки свежего намерзшего льда, похожего на куски разбитого стекла, мы с Саней погрузились в прорубь. Ледяная вода, обхватив нас колючими объятиями, стремительно высасывала тепло из организма, вонзаясь иголочками в кожу. Окунувшись в студеную тьму по шею, я решил, что голове тоже не помешает остудиться, и нырнул...

Вынырнув и открыв глаза, я понял: вокруг что-то не так.

Точнее сказать, вообще все было не так. Прежде всего меня ослепил неизвестно откуда взявшийся яркий свет, да так сильно, что я снова закрыл глаза и подумал, что, возможно, уже приехали девчонки и Карась, решив повеселиться, осветил прорубь автомобильными фарами: разве не прикольно посмотреть, как две голые заиндевевшие задницы полезут из проруби под заливистый девичий смех… Но, снова приоткрыв глаза, я понял, что автомобильные фары тут ни при чем. Дело в том, что ночь неожиданно закончилась и настал солнечный день. Кроме ночи исчез и Саня, и снег тоже куда-то испарился: я сидел в летнем пруду, вокруг которого раскинулся густой лес. Деревья утопали в зеленой листве, птички радостно чирикали, и лягушки своим кваканьем их всецело поддерживали, явно намекая, что до холодов еще далеко. Я, совершенно пораженный, потряс головой, надеясь, что морок рассеется, и на всякий случай еще раз нырнул. Когда я вынырнул, на улице все еще было лето.

Ну и дела! Что это все может значить? Сердце начало бешено колотиться, я лихорадочно пытался осознать то, что вижу, упорядочить скачущие мысли и подобрать варианты происходящего, которые лезли в голову сами собой.

Первый вариант: в проруби у меня случился инсульт, и сейчас я лежу в больничке в состоянии овоща и вижу цветные сны.

Вариант номер два: тот же инсульт, но я склеил ласты (хотя в прорубь вроде залезал без них). Ну а затем я попал

в рай, так как с адом этот летний лесной пруд никак не ассоциировался. В этом варианте есть небольшой плюс: в раю меня могут встретить полунагие гурии с кувшинами вина, а пить уже хочется невыносимо.

Вариант три: я — попаданец.

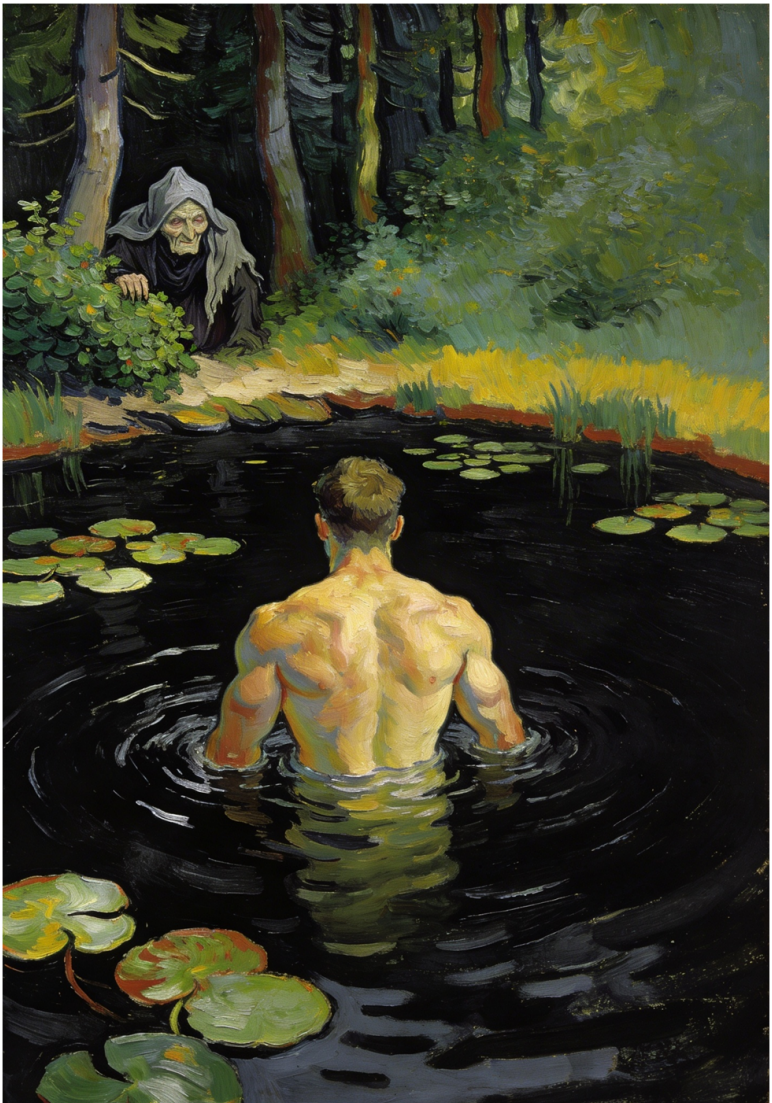
Четвертый вариант... Что может случиться еще? Не знаю. Пусть это и будет четвертым вариантом: случилось то, что я не могу представить...

Так. И какой вариант мне больше нравится? Честно говоря, никакой не нравится, и вообще в голове мысли путаются: непонятно, что делать.

Пожалуй, перво-наперво нужно найти чистую воду. Ирония была в том, что я сидел в воде, но, оглядевшись вокруг на эту темную мутноватую поверхность пруда, на мелкий мусор, на листья кувшинок и лягушек, я решил, что торопиться пить такую воду не стоит. Мне, разумеется, нужна питьевая вода. Стоит обойти вокруг и поискать ручей, тем более что озеро небольшое и много времени это не займет. В любом случае нужно вылезать на берег: вдруг тут змеи водятся или еще какая-то гадость. А даже если тут никаких змей нет, то не сидеть же в воде до скончания века.

Проплыв в сторону ближайшего берега несколько метров, я нащупал илистое дно и уже собрался выходить на берег, когда прибрежные кусты зашевелились и оттуда выбралась... Нет, это была не полунагая гурия с кувшином прохладного вина, это была древняя старушенция, замотанная

в какие-то многослойные лохмотья и с платком из дерюги на голове. Увидев ее, я замер.



— Ну что же ты, молоденький? — жутко заскрипела старая карга. — Вылазь скорее, дай старческим глазкам на тебя подивиться. А то вдали плохо вижу.

Ну вот, общительной бабули мне только и не хватало. Хотя, может, это к лучшему: у нее я смогу выяснить, где я, и понять, что со мной произошло.

— Бабуся, вы бы отвернулись, а то я совсем голый…

— Милай, так зачем же мне отворачиваться? — хитро сощурилась бабка. — Давнехонько я мужские стати не видала. Истосковалася.

Эта старая карга, похоже, совсем не знает правил приличия. В таком случае и мне нет нужды церемониться с ней, обращаясь на «вы».

— Бабуся, а тебя карачун не хватит, если я со своими статями из воды полезу? — зло поинтересовался я.

— Да ладно тебе, не капризничай, — скрежетала старуха. — Чего я там не видела? Я ж не молодуха, мне уже сто лет в обед.

Ну и дела! Мало того что попал хрен знает куда, так тут еще меня поджидала перезревшая нимфоманка. Ладно, вылезать из пруда все равно надо, пусть старушенция любуется на мои стати… плевать.

Как будто прочитав мои мысли, хитрая бабуля решила подтолкнуть меня к принятию решения:

— Ох, милай, зря ты там торчишь. В пруду пиявки злю-

щие, кусачия. Присосутся, сам знаешь куда, потом не рад будешь.

Выйдя на берег, я продемонстрировал старой карге стать во всей красе. Затем сорвал несколько листьев папоротника и прикрыл мужское хозяйство. Старуха, а вблизи она оказалась еще более жуткой, после этого посмотрела на меня с явным недовольством и осуждением. Так смотрит кот, которому показали банку со сметаной и снова убрали в холодильник.

— Бабуля, — я окончательно решил не выкать этой старой прожженной кляче с нимфоманскими замашками, — ты бы дала мне свой платок наготу прикрыть…

Хотел дальше сказать, что я ее отблагодарю, да решил, что денег у меня нет, у меня вообще ничего нет, кроме голого тела, а такой вариант благодарности меня не устраивал.

Бабка, лишившись заманчивого зрелища, начала вести какую-то странную игру:

— Дала? Ох и шалуны энти молоденькие, все им надо дать. Просто неймется им.

— Я только платок имел в виду.

— Ага, знаю я вас. Сначала скажут: «Платок сымай», затем: «Платье скидавай», а потом… — тут старуха выжидательно на меня уставилась, по-видимому, желая услышать, что же будет потом…

Вот, старая чертовка, все у нее на одну тему сворачивает. Пожалуй, нужно с ней скорее прощаться, может, найду

кого-то вменяемого. Только вот про воду еще нужно спросить:

— Ладно, бабуля, обойдусь без твоего платка. Скажи, где тут поблизости вода есть. Питьевая.

— Так это, в избушке у меня есть, — быстро нашлась бабка.

Идти к старой карге в избушку мне хотелось меньше всего, но если она недалеко, то стоит рискнуть: в горле уже так пересохло, что скоро голос начнет срываться.

— А далеко ль твоя избушка?

— Так вон же она, молоденький! — бабка ткнула скрюченным пальцем мне за спину.

Повернувшись, я с удивлением обнаружил, что метрах в пятидесяти от нас стоит небольшой сруб. Странно, что я не заметил его раньше — такой домик сложно пропустить. Спишем мою невнимательность на то, что я растерялся, попав в этот чертов пруд.

Жилище у бабки было достаточно светлым, на удивление чистым и немного странным. Сначала я не понял, что меня удивило, но потом сообразил, что в доме совсем мало мебели. Помимо огромной печи, были еще небольшой стол с лавкой и сервант, около которого теперь колдовала старуха, позвякивая посудой.

— Воды у меня нету, молоденький, но имеется хороший травяной отвар, бодрящий, на вот, держи, — прошамкала старушенция, протягивая мне кружку дрожащей рукой.

Конечно, мне хотелось выпить простой, чистой колодезной воды, а не той мутной жидкости, что плескалась в глиняной кружке. Но жажда уже так замучила, что я готов был припасть к пруду с жуткими пиявками и вылакать его целиком. После короткого раздумья я начал пить отвар большими глотками. На вкус он был терпким, чуть сладковатым. «Наверное, старушенция сюда солодку добавляет», — подумал я, осушив кружку полностью. Я уже собирался поблагодарить бабку, хоть она и была явно с прибабахом, но все же дала мне утолить жажду, как вдруг почувствовал слабость и головокружение. Ноги налились свинцом, все тело стало каким-то слабым и дряблым. Глаза начали слипаться. Я оперся на стол, но руки меня не держали. Ноги тоже подогнулись, и я с трудом сел на лавку, радуясь, что не грохнулся на пол. Изба поплыла перед глазами, бабка утратила четкость, словно я видел ее через пелену дождя. Последняя мысль, мелькнувшая в сознании: «Неужели эта ведьма меня отравила?» Затем все погрузилось во тьму.

Когда я пришел в себя, изба преобразилась. Чистая светлая комната исчезла, а вместо нее возникло сумрачное, пахнущее кислятиной пыльное логово, заваленное хламом и затянутое паутиной. Мебели было столько, что казалось, между ней не осталось ни единого прохода. Вся она была жутко старой, скрипучей и какой-то перекошенной. Кроме меня и старухи, в комнате были здоровенный черный кот и, что меня несколько удивило, козел, который, стоя в углу,

задумчиво жевал пучок соломы.

И зачем нам козел? Я отодвинул клавиатуру и откинулся в кресле, чувствуя непонятное бессилие. До этого момента все внутри бурлило, в голове роились мысли и идеи. Но с появлением козла на сцене — бах! — все исчезло, словно по взмаху волшебной палочки. Козлиная выходка развеяла все вдохновение. Я был опустошен и не понимал, что писать дальше. Как должен развиваться сюжет? Может, эта рогатая сволочь и вправду волшебная? Например, обладает способностью вытягивать творческую энергию из начинающих писателей? До козла все было понятно: мой герой попал в магический или сказочный мир, встретил там колдунью, которая его опоила и хочет… Что она хочет? Переспать с ним? Бррр! А зачем?

Тут, как по волшебству, в голове возникла Юлька. Она вынырнула из потаенных уголков мозга, словно килька из банки с томатом. Эта стерва, надменно и гадко улыбаясь, проговорила, поглаживая меня по голове:

— Ну, я же говорила, что ты бездарность. Ничего у тебя не получается, за что бы ни взялся. Даже никому не нужную книжку написать не можешь: застрял на первой же главе. Ты никчемный неудачник.

Сделав над собой усилие, я изгнал Юльку из мыслей и заставил себя вернуться к козлам и старухам. Так, сейчас в моде «боярки». Моя книга только в начале, а значит, жанр можно сменить. Что, если завести гарем не из сисястых, упру-

гих молодух с томным взглядом, у которых блузки разрываются от двух непомерно раздувшихся «вдохновений», а из лохматых, беззубых и замшелых старух? Да это будет бомба! Ругань и крики в адрес автора выведут книгу в лидеры по просмотрам. Волны хейта поднимутся выше Останкинской башни. Но, несомненно, появятся и поклонники, а возможно, и подражатели. Глядишь, через пять–десять лет старушечьи «боярки» заполонят онлайн-платформы.

Ну а если серьезно, мне просто нужно вдохновение. Причем одно. Нужна муза, которая подскажет, куда идти дальше. Может, попробовать те программы, что дала Лиза? Там вроде есть функция «продолжить текст».

Я снова придвинул клавиатуру, открыл сайт Лизы, скопировал написанный текст и нажал «продолжить». Нейросеть несколько секунд подумала и затем выплюнула продолжение.

— Очнулся, милай? Вот и хорошо, — раздался скрипучий голос откуда-то сбоку от меня. — Нечего валяться в беспамятстве, как малохольная баба, у нас с тобой много дел. Через месяц на Лысой горе корпоратив, мне нужно набрать форму.

Я повернул голову и увидел старуху. Она стояла у серванта и что-то толкла в ступке, не сводя с меня жадных глаз. Сам я лежал на столе абсолютно голый и был крепко к нему привязан .

— Бабуся, зачем я тебе? Будешь из меня кровь пить? — испуганно спросил я ведьму.

— Кровь? Зачем же так примитивно? Если и буду пить, то только в переносном смысле, как мы, женщины, это делаем. А вообще, я буду делать из тебя любовника — страстного и неутомимого. Может, через твои ласки ко мне вернутся силы и молодость.

— Бабуся, а может, есть другой способ вернуть тебе силы? — попытался я схитрить. — Я не очень хороший любовник. Самый что ни на есть вялый и слабосильный. Девушки постоянно меня бросают. Говорят: «Я в тебе полностью разочарована», «Ты не оправдал и десятой доли моих ожиданий», «В каком столетии твой стручок был бодрым?»

— Не бойся, милай, — успокоила меня старуха, поглаживая себя по дряблым грудям. — После моих снадобий и припарок твой уд будет торчать, как молодой дуб посреди чистого поля. Мы с тобой так оттянемся, что эта избушка будет дрожать, стонать и подпрыгивать!

«Боже, и нейросети туда же!» — совершенно обалдевший, я уставился в экран, не веря своим глазам. — Эротомания

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.